

4. *Сэнсом, Дж. Б.* Япония: краткая история культуры / Дж. Б. Сэнсом; [пер. с англ.: Е. В. Кириллов]. – СПб.: Евразия, 1999. - 572с.
5. *Торчинов Е. А.* Введение в буддологию: Курс лекций / Е. А. Торчинов. – СПб.: Санкт-петербургское философское общество, 2000. – 303 с.
6. Ten kings / Ten judges of hell and Jizo Bosatsu [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.onmarkproductions.com/html/sai-no-kawara.html#10kings>.
7. *Kawamura K.* Datsueba [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.columbia.edu/cu/ealac/imjs/reports/1994-04/>

В. Кузев, канд. филос. наук
Приазовский государственный технический университет, Мариуполь

Инфернологические доктрины играют важную роль в формировании основного содержания религиозных верований. В данной работе автор исследует отдельные аспекты таких учений, а именно – верования, связанные с посмертным путем грешника, роль и место нижнего инфернального пространства в картине мира и его взаимодействие с миром земным и т.д. Прослеживается эволюция инфернологических верований в названных религиозно-культурных традициях, осуществляется компаративных анализ основных образов и мифологем.

Ключевые слова: ад, рай, посмертное возмездие, буддизм, христианство.

V. Kuzev,
Pryazovskyi State Technical University, Mariupol

Infernological doctrines play an important role in the formation of the core content of religious beliefs. In this paper the author examines some aspects of those teachings – namely, beliefs associated with the post-mortem way of a sinner; the role and place of the infernal space in the world view and its interaction with the earth world, etc. It is traced the evolution of infernological belief in these religious and cultural traditions. The comparative analysis of the main images and myths is made in the paper.

Keywords: hell, heaven, posthumous retribution, Buddhism, Christianity.

УДК 248.2:111.852

М. Мурашкин, доктор философ. наук
Приднепровская государственная академия
строительства и архитектуры, Днепропетровск

ЯПОНСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ДЗЭНРЕАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ЭСТЕТИКЕ

В японской культуре при рассмотрении мистицизма выявляется символ, который присутствует в различных мистических учениях. Это – символ смерти. Однако это

символическая смерть, которая означает разрушение структур сознания в человеке, которые устарели, отжили своё.

Ключевые слова: *япония, культура, японская культура, дзэнреализм, буддизм, дзэн-буддизм, современный, модерн, постмодерн.*

Японская культура эстетична. Эстетика – это разрушение или отбрасывание несущественного и выпячивание, выражение существенного, жизненного. Например, в японской культуре отбрасывается всё ненужное и неудачное, а принимается то, что красиво, просто и функционально. Это характерно в отношении человека, который самосовершенствуется. Он разрушает несущественное, а выпячивает существенное, жизненное. Природа такого не делает. Но человек находит в природе критерии эстетического. Например, единство, интенсивность. Не оттого ли, что для самого человеческого самосовершенствования это необходимо. Единство. Единство в человеческой личности – это совершенство. Интенсивность. Интенсивность – это жизненность для человека. В природе человек находит простор, порядок, симметрию. Эти характеристики он возводит в прекрасные, так как они востребованы человеком для его собственной жизнедеятельности. Но в японской культуре можно найти и асимметричность, что роднит её с современностью. Постмодернистская эстетика именно на этом заостряет внимание.

Постмодернистская эстетика – это своего рода мистический дзэнреализм [Маньковская 2000, 60]. Это относится и к постмодернистскому периоду религии и мистики, в которой нет внутренней трансцендентности экстаза (при экстазе человек улыбается улыбкой Будды. Улыбка полезна для мозга, когда страх превращается в радость [Рерих 2010, 262]), а только лишь экстаз полноты, экстаз коммуникации, намечающий карнавализацию. А это игра, игра по смене экстаза на экстаз и наоборот. В этом сходная сторона религии и искусства. Религия и искусство как эстетическое расходятся довольно поздно [Дюфрен 2007, 152]. Изначально же они – одно. Корни и сущность религии и искусства слиты как одно единое.

В искусстве, и в религиозно-мистическом действовании последнего времени можно усмотреть воплощение процесса без цели. Когда происходит воплощение процесса без цели, то акцент делается не на содержании, не на смыслах, а на упразднении смыслов, упразднении смыслов, отживших своё. Процесс упразднения смыслов, отживших своё, более свойственен религиозно-мистическому, чем эстетическому.

Если у человека нет никакой цели, никакой идеи, никакого плана, как нет цели у бабочки или орхидеи [Шпенглер 2006, 151] в сознательной жизни, то у конкретного человека на неосознанном уровне есть компенсаторная реакция, приводящая всё в равновесие, что немаловажно для самой жизни человека. Интенсивность же аффектов нарушает это равновесие, приводя в движение процесс компенсации, процесс возврата и восстановления.

В период постистории, где нет ни искусства, ни философии [Фукуяма 2005, 60], за компенсаторными процессами в самом человеке закрепляется нарастающая значимость, спасающая человека от несоответствий при невозможности адаптироваться к постоянно меняющейся среде, когда не сохраняются ни цель, ни смысл, ведущие к победе.

Деятельность художника и мистика – это процесс спасения от страхов, и происходит эта деятельность как воспоминание о состоянии Бога, когда была полная лишённость

страхов. Однако состояние Бога оставляет «след», с которым художник и мистик отвлекаются от ужасов жизни посредством своей деятельности, действуя со страху, всё же испытывают равновесие в силу пережитого состояния Бога, оставившего свой «след». Когда в человеке расцветает и разрастается этот «след», то возникает улыбка (улыбка Будды, улыбка Джоконды), улыбка, затемняющая ужасы жизни возвышенным. Возвышенное не просто затемняет ужасы. Оно разрушает все объекты, все схемы объектов в человеческой голове. Разрушает до такой степени, что объекты исчезают. У возвышенного нет объекта [Kristeva 1980, 19.]. У сакрального, Божественного его тоже нет. Художественный опыт – основная составляющая религиозности [Маньковская 2009, 98], где греховное и низменное продуцируют удовольствие красоты и возвышенности. Красота является религиозным способом приручения демонического [Маньковская 2009, 98]. Красотой и возвышенностью, через самосозерцание и отторжение неработающих отвлечённых (абстрактных) структур в психике, преодолевается деперсонализация.

Преодолевая деперсонализацию, человек находит опору в себе самом, обретает ясность ума. Но этот путь лежит через трансформации личности. Через экстаз и энтаз человек преодолевает небытие. Этому способствует забвение ложных целей, ложных абстракций интеллектуальной жизни, абстракций, далёких от жизни. Для этого существует музыка, ритм, танец без конца, без цели [Kristeva 1980, 241.]. При этом разрушается всё наносное в человеке, разрушаются его устаревшие структуры сознания. В японской культуре при рассмотрении мистицизма выявляется символ, который присутствует в различных мистических учениях. Это – символ смерти. Однако это символическая смерть, которая означает разрушение структур сознания в человеке, которые устарели, отжили своё.

Времена меняются. И современного человека уже трудно поразить красотой, музыкой, ритмом, танцем без конца, без цели. Современное искусство делает акцент на дисгармонии, ассиметрии, диспропорции. Возникает вопрос: отчего гармония, симметрия и пропорция отодвигаются на второй план? Ведь это – конечная цель искусства. Человек обретает очищение (катарсис), испытывая в своей душе высшее состояние, где царит гармония. Современный человек зачастую в силу наработаного историей массива культурных ценностей, да и просто в силу информационного потока уже не воспринимает гармонию. Однако гармонию может продуцировать и ситуация дисгармонии. Когда человек воспринимает и чрезмерно насыщается ситуацией дисгармонии, то у него могут сработать механизмы компенсации, и он обретёт состояние гармонии. Поэтому современное искусство, продуцируя и навязывая человеку ситуацию дисгармонии, включает в нём компенсаторные механизмы, благодаря которым человек испытывает состояние гармонии. Статуэтка Будды, демонстрирующая умиротворённость и душевную гармонию, затерялась в потоке массива религиозных культурных ценностей различных народов. Человек не может вычленил эту гармонию для себя. Сам поток ценностей буддизма, христианства, ислама несёт в себе дисгармонию. Но при восприятии всего этого – и умиротворённости Будды, и страстей Христовых при распятии, при восприятии всего потока культурных феноменов, в человеке рождается состояние гармонии, состояние Бога. Это состояние рождается из дисгармонии.

Умиротворённость и одухотворённость в человеке находятся в обоюдном компенсаторном процессе, где энтропия сменяется энергией и наоборот (синее сменяется жёл-

тым, а жёлтое – синим). В этих сменах, происходящих в глубинах души, человек освобождается от устаревших догматов. И спонтанно возникает состояние Бога. Нет смены – нет изменений, и догматы начинают довлеть. Начинают довлеть предвзятости. При таком довлении, когда догматы и предвзятости начинают крайне несоответствовать изменённому миру (а мир меняется), в человеке усиливается расщеплённость сознания, дисгармония.

В жизни могут возникать дисгармонические ситуации. То есть гармония и дисгармония живут рядом. Современные религия и искусство Японии видят и учитывают это, показывая лёгкость перехода одного в другое, перехода гармонии в дисгармонию и наоборот. Этот показ представлен «дисгармоничной гармонией», «красотой диссонансов», путём высвечивания парадоксальных случаев из совместной жизни людей, где отмечается уровень уступчивости, не дающий усиливаться дисгармоническому положению в обществе в целом. Однако может проявляться и абсолютное отсутствие уступчивости. Подобную абсолютность может нести жест.

Обязательным атрибутом жеста, жестуальности является парадоксальность, шок (эстетический шок), абсурдизм. Когда дзен-буддистский учитель бьёт своего ученика, задающего нелепые вопросы, то в жесте учителя проявляется просто-напросто жестокость. То есть в жесте, жестуальности как игровом приёме присутствует даже жестокость. Но жест при всём при этом выражает и позицию, манифестируя и выступая как символическая форма поведения, выражая отношение к тем или иным жизненным ситуациям. Особенно символическая форма поведения разрастается при танцевальной пластике. Танец испокон веков был очистительным обрядом, так как танцем осознаются внутренние гармонические ритмы. Эти гармонические ритмы гармонизируют человека в целом, чем и очищают. К гармонии человека приводит экстаз танца, после которого следует энтазное состояние покоя (нирваны у буддистов), всё более углубляющее гармонию, вплоть до возможности пережить состояние Бога, когда из гармонии проступают простота и ясность.

Современная религия и искусство авангардируются и в своей выразительности разрушают гармонию. Разрушать гармонию – это разрушать и изображение, показывать непоказуемое. Это попытка человека показать пережитое им состояние Бога, которое в своей сущности непоказуемое. В остальном гармония востребованна. Разрушение гармонии – лишь показать непоказуемое. А само состояние Бога – есть гармония. Её и хотят показать религия и искусство японии. Да и в самой жизни присутствует гармония как стремление к гомеостазу, тяготение к равновесию.

Основная функция религии, мистики и искусства японии – это освобождающая (картаргическая) функция, возвращающая человека к свободному, естественному состоянию духа. У зрителя и слушателя наступает катарсис. Он может наступить от эстетического шока, который выпрямляет, вызывает отрезвление. Современные религии и искусства грешат в применении эстетического шока. Однако, в последнее время (XXI век) различные способы трюкачества, которые применяются как в религиозно-мистической среде, так и в художественной, зачастую уже не вызывают у зрителя и слушателя эстетического шока, не ведут к катарсису, смягчающему шизоидность и раздвоенность потребителя. Приелось. Шокирующие ситуации дзен-буддистского толка рассчитаны на учеников, на начинающих. Далее у человека должна идти работа над собой, которая требует хоть

каких-то смыслов, но ведёт к просветлению, катартическому переживанию как созерцательно-медитативному состоянию.

Просветление, катартические переживания как созерцательно-медитативные состояния могут быть вызваны природными ландшафтами, отключающими в человеке рациональное, рациональный поток мыслей, ландшафтами, в объёмах которых вообще теряется человек. Подметая дорожки в монастырском саду, как об этом свидетельствуют японские дзэн-буддистские мастера [Балагушкин 2011, 29], тоже можно достичь просветления.

Современные религия и искусство Японии – это демонстрация ментально-эмоциональных проекций идеального внутреннего мира человека, который отражает и высшие состояния духа того, кто творит; то есть состояния религиозного адепта, художника, музыканта. Здесь сплошная попытка передать состояние невоспроизводимое, невыразимое, неповторимое и просто невозможное. Но сама передача открывает возможности. Для такой передачи ослабляется фабульность, а задействован монолог. В отношении же окружающей действительности современные религия и искусство делают акцент на стоическом сопротивлении абсурду, абсурдному внешнему миру. Для сопротивления выбираются и радикальные методы. Это эстетический шок, который ломает рутинность. Это трансгрессия, которая опять-таки взламывает границы. Взломом достигается цель. Религиозный адепт, художник, музыкант доносят свои высшие состояния духа и поселяют их в зрителе и слушателе. Эти высшие состояния сразу напрямую компенсируют недостатки душевного строя зрителя и слушателя. Поэтому у современности так в почёте радикализм дзэн-буддизма. Цель – выбить человека из реально-обыденного и через ирреальное (психоделическое, экстатическое, мистическое) возродить его к новому, обновить человека, очистить от шелухи второстепенного. Отсюда и методы резкого воздействия, такие методы как крик, вопль, резкий жест, методы, которые прорывают рутинно-обыденное и дают возможность ощутить над-реальное состояние Духа. Это над-реальное состояние Духа просто-напросто первоначально-жизненное, очищенное от шелухи второстепенного и незначительного, возрождённое к новому.

Современные религия и искусство Японии театрализируют процесс очищения, чтобы человек пришёл к стихиям жизненности, и оставил рутинное, воскрес от собственной смерти как устаревшего, патологического состояния духа. При этом современные религиозный мистицизм и искусство утверждают принцип импровизационности и снижают значимость повествовательности. Творческий же акт при импровизации – это автоматическое письмо, происходящее под диктовку бессознательного, письмо ассоциативное, импровизационное. Ассоциативность и импровизационность проникают всё больше в современные религиозный мистицизм и искусство. Эстетика тождества и повтора охватывает и современную религию, и современный мистицизм, и современную эзотерику, и современное искусство Японии. Здесь механизм творчества и творческий метод отражены в таких понятиях как поток сознания (автоматизм), абсурдизм, психоанализ. Однако это лишь формы современности. Сущность остаётся одна. И она не исчезла. Сущность – это открыть возможности, чем и вдохновить человека, окрылить его.

Мы все друг друга вдохновляем. Тем и живём. Мы наделяем вещи повседневности иным неповседневным, необычным, необыденным смыслом, смысловой перспективой. Мы выявляем смысловые перспективы в обычных повседневных вещах, превращаем

наши выявления в значимые события, события, полные возможностей, что вдохновляет и одухотворяет. Для этого в современном религиозном мистицизме и психоделических искусствах Японии зачастую применяется шок. Шоковая эстетика и эстетическое нарушают нормы, вызывает эффекты страха, ужаса, провоцируя наше сознание к переключению на компенсаторные механизмы, устраняющие страх и ужас. Шоковая эстетика для провокации применяет контрасты, асимметрию, диссонансы, применяет ужасное, безобразное. Компенсаторные механизмы включаются у человека спонтанно, и человек очищается, обретает катарсис. Спонтанность буквально пронизывает современные религиозный мистицизм и психоделическую эстетику Японии. Спонтанность здесь касается не только катарсиса как результирующего, но и процесса творчества, сотворения произведений искусства. О важности спонтанного творческого начала речь идёт как в религиозном мистицизме, так и в психоделическом искусстве. Да и не только в психоделическом искусстве. В принципе искусство понимается как событие творческого процесса, творческого процесса спонтанного характера. То есть с одной стороны событие творческого процесса, обостряющее самосознание зрителя и слушателя, а с другой – результирующее как очищение (катарсис) в связи с обострённостью самосознания.

Выводы. В современном религиозно-мистическом и эстетическом опыте Японии мы находим красоту ассонансов, красоту асимметрии, находим не просто целостность, а дисгармоничную целостность. В современном религиозно-мистическом и эстетическом опыте возвышенное замещается удивительным, трагическое – парадоксальным, и всё пронизывается иронией. Однако всё это можно встретить не только в современности, но и у древних, в японской древней культуре. Например, в культуре дзен-буддизма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балагушкин Е.Г.* Аналитическая теория мистики и мистицизма / Е.Г. Балагушкин. // Аналитика мистицизма. – М.: Канон, РООИ Реабилитация, 2011.
2. *Дюфрен М.* Вклад эстетики в философию / М. Дюфрен. // Эстетика и теория искусства XX века. – М.: Пресс-традиция, 2007.
3. *Маньковская Н.Б.* Феномен постмодернизма: Художественно-эстетический ракурс / Н.Б. Маньковская. – Москва – Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив. Университетская книга, 2009.
4. *Маньковская Н.Б.* Эстетика постмодернизма / Н.Б. Маньковская. – СПб: Алетейя, 2000.
5. *Рерих Н.К.* Врата в будущее / Н.К. Рерих. – М.: Эксмо, 2010.
6. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М., 2005.
7. *Шпенглер О.* Закат Европы / О. Шпенглер. – М., 2006.
8. *Kristeva J.* Pouvoirs de l'horreur: Essai sur l'abjection / J. Kristeva. – P., 1980.

М. Мурашкін, доктор філософ. наук
Придніпровська державна академія
будівництва та архітектури, Дніпропетровськ

ЯПОНСЬКА КУЛЬТУРА ЯК ДЗЕНРЕАЛІЗМ У СУЧАСНІЙ ЕСТЕТИЦІ

В японській культурі при розгляді містицизму виявляється символ, який присутній у різних містичних вченнях. Це – символ смерті. Але це символічна смерті, яка означає руйнування структур свідомості в людині, що застарілі, віджили своє.

Ключові слова: Японія, культура, японська культура, дзенреалізм, буддизм, дзен-буддизм, сучасний, модерн, постмодерн.

M. Murashkin,

Prydniprov's'ka State Academy of Civil Engineering and Architecture, Dniproptetrovsk

JAPANESE CULTURE AS ZEN-REALISM IN MODERN AESTHETICS

In Japan culture upon a closer view to mysticism we discovered a symbol existing in various mystical doctrines. It is a symbol of death. But the point is that such death has a symbolic character and means the destruction of the mind structures which are outdated.

Keywords: Japan, culture, Japan culture, dzenreality, buddizm, dzen-buddizm, contemporary, modern, postmodern.

УДК 390(520)

В. Парамонова

Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь

СКУЛЬПТУРА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЯПОНИИ: ИСТОКИ, СТИЛИ, ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В статье анализируются основные этапы развития средневековой японской скульптуры, влияние буддизма на её становление, осмысливаются некоторые пластические свойства национальной скульптуры в Японии, рассматриваются основоположные скульптурные традиции, а также возможности использования новых материалов для создания оригинальных скульптурных композиций.

Ключевые слова: буддизм, искусство, рельеф, скульптура, нэцкэ, средневековье, пластика, Япония.

Наивысший период расцвета японской пластики, как и японской культуры в целом, приходится на средние века. Эпоха феодализма в Японии, охватывающая время с VI по середину XIX столетия, распадается на целый ряд этапов. Но для развития японской скульптуры наиболее важными оказались лишь этапы раннего и развитого средневеко-